

«ЯЗЫК ПОМНИТ
ВСЕ, В ОТЛИЧИЕ
ОТ ЧЕЛОВЕКА...» 3

Беседа с писателем
Александром Иличевским



ОТ ЧЕГО НЕ
ЗАРЕКАЕТСЯ
ГЕНРИХ ПАДВА
6

ФАРЛИ
МОУЭТ —
ДРУГ ВОЛКОВ
19

#25
(2323)

книжное обозрение

WWW.KNIGOBOZ.RU

выходит с 5 мая 1966 года



4 ПАПА,
ДОЧКА
И ПРУСТ

Туре Ренберг о норвежских
семейных ценностях



5 БЫЛИНЫ
О ТАЛОНАХ
И СТРАНСТВИЯХ

Энциклопедия перестроечной
жизни от Натальи Арбузовой



7 ВО ЧТО
ПОИГРАТЬ
С ПРИВИДЕНИЕМ

Урс Видмер учит
не бояться смерти



НОВОСТИ

Мировая десятка года

Представив в конце октября Топ-100 самых интересных книг 2011 года, The New York Times сузило этот список до десяти лучших.

В десятку вошел дебютный роман американского автора Чедда Харбача «Искусство филдинга». В центре повествования — студенческая бейсбольная команда, достигающая все большего успеха с появлением нового, чрезвычайно одаренного игрока.

В романе «11/22/63» короля ужасов Стивена Кинга рассказывается о временном портале, через который учитель английского языка проникает в 1958 год, чтобы предупредить убийство Джона Кеннеди.

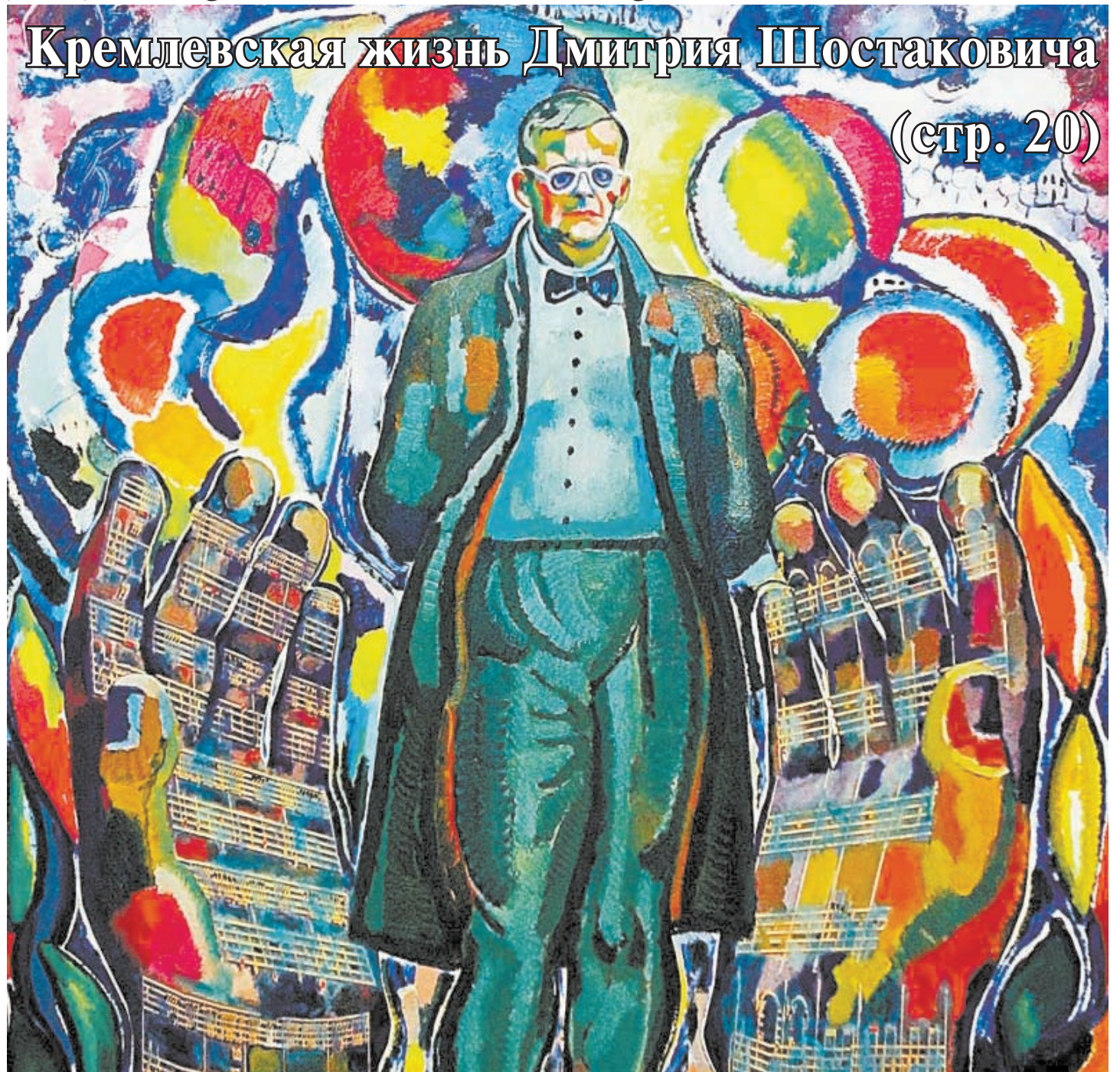
Парк аллигаторов, призрак-любовник, путешествие в мангровых джунглях — все это в первом романе Карен Рассел «Свампландия». В романе «Десять тысяч святынь» Элеонор Хендерсон прослеживаются судьбы героев с 1987-го до 2006-го. Книга Теа Обрехт «Жена тигра» рассказывает о войне на Балканах, на фоне которой переживания героини переплетаются с фольклорными сказаниями ее деда.

Сборник эссе американского журналиста и писателя Кристофера Хитченса «Спорное» содержит более ста эссе на различные темы — от Гарри Поттера до Афганистана. «Мальчик на Луне» — «путешествие отца с целью лучше понять своего необычного сына», — Ян Браун в этой книге рассказывает о своем сыне Волкере, рожденном с редкой генетической патологией. Книга «Малькольм Икс» — о жизни американского борца за права чернокожих. Мэннинг Марабл писал эту историю больше десяти лет — и ушел из жизни в апреле этого года. Психолог и нобелевский лауреат Даниэль Канеман в книге «Рассуждать быстро и медленно» утверждает: мы переоцениваем важность того, о чем думаем. Еще мы неточно вспоминаем прошлое и неверно оцениваем то, что сделает нас счастливыми в будущем. А роман историка Аманды Форман «Мир в огне» повествует о роли Британии в американской гражданской войне.

Депутат от музыки

Кремлевская жизнь Дмитрия Шостаковича

(стр. 20)



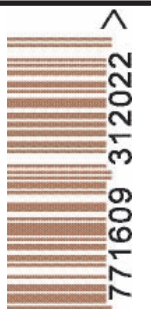
Читайте в следующем выпуске «PRO»:

Ведущие игроки книжного бизнеса России подводят итоги 2011 года.

Напоминаем нашим читателям, что список новых книг, а также рейтинги бестселлеров зарубежной литературы вы сможете найти только в PROфессиональной версии

«Книжного обозрения», распространяемого только по подписке.

Следующий номер «Книжного обозрения» выйдет 26 декабря с.г.



НОВОСТИ



книга недели

Ужас человечности

Один из бесчисленных признаков классификации книг заключается вот в чем: одни более или менее удачно паразитируют на истории, другие — создают для нас ее образ. «Благоволительницы» Джонатана Литтелла принадлежат ко второй категории. Если продолжить классифицировать, то это произведение из аристократического племен толстенных-и-трудноосваиваемых-книгна-нелегкую-тему-которые-тем-не-менее-обязательно-нужно-читать. Когда лет через 80–90 наши внуки примутся составлять списки самых-самых романов XXI века, «Благоволительницы», скорее всего, там будут.



Литтелл Д.
Благоволительницы
/ Пер. с фр.
И.Мельниковой.
М.: Ад Маргинем Пресс, 2012.
— 800 с. 4000 экз. (п) ISBN 978-5-91103-095-7

Перед нами широкопанорамный взгляд на Вторую мировую с «той стороны силы» — глазами офицера СС Максимилиана Ауэ, неприятиятельного юриста и аналитика СП, волей судьбы и начальства брошенного на решение еврейского вопроса в тылу армии Рейха и, раз уж так оно повернулось, старающегося делать свою работу хорошо. Будь этот невероятно детальный, чуть не лопающийся от бытовых подробностей, фактов и цифр роман исповедью раскаявшегося грешника или бравадой негодяя, было бы легче. Но, увы, «Благоволительницы» — безжалостная история об ужасе человечности, не пафосно-сентиментальной, а самой обычной, сермяжной. Это показательное вскрытие чрева исторического монстра, внутри которого без усталы бегают и крутят колесики тысячи и тысячи маленьких человечков, чудовищных в своей глубинной неотличимости от нас с вами. Удивительно, как этот карнавал трагического натурализма живет совершенно полноценной жизнью в постмодернистском повествовании, прихотливо играющем россыпью реминисценций — на Вторую мировую Литтелл отправил миф об Оресте, «Балладу о повешенных», «Фауста», «Человека без свойств» и даже «Героя нашего времени». Хотя... у Гомера сочетаются столь же мало сочетаемые вещи. Эпос меняется, и эта страшная, тяжелая, неполиткорректная книга — одно из потрясающих проявлений его онтологических величия и красоты.

Мария Мельникова

Делай, что должно...

12 декабря в Москве состоялась торжественная церемония награждения лауреатов и финалистов премии «ПолитПросвет» за 2011 год. Премия за заслуги в области политического просвещения в этом году вручается впервые. Лауреатами конкурса стали создатели проекта «Гражданин Поэт» — продюсер Андрей Васильев, поэт Дмитрий Быков и актер Михаил Ефремов. Кроме того, специальная премия «Просветитель от Бога» по единогласному решению жюри была вручена Евгению Ясину. Как подчеркнул основатель премии Дмитрий Зимин, это решение жюри было связано с желанием задать некий эталон для дальнейшего развития премии. «Очень важно учить людей, что жить нужно в цивилизованном обществе, — отметил в своей речи после получения награды Ясин. — Последние 7–8 лет я пребывал в глубокой печали и уверенности, что демократия в России не состоялась и, видимо, не очень нужна. Но сейчас оказалось, что есть надежда. И есть необходимость говорить и писать о политической ситуации. Я повторяю слова Сахарова: делай, что должно — и будь что будет. И тогда мы все увидим результат».

В этом году на звание лучшего «политического просветителя» также претендовали: Василий Головин, специальный корреспондент ИТАР-ТАСС в Японии; Юлия Латынина (программа «Код доступа», радиостанция «Эхо Москвы»); Юлия Мучник, Андрей Филимонов, Виктор Мучник (программа «Час Пик. Суббота», ТРК ТВ—2, Томск); Алексей Навальный (публикация «Единая Россия подает на меня в суд» в блоге).

Конкурс «ПолитПросвет» с 2011 года проводится Фондом «Либеральная Миссия» при финансовой поддержке Дмитрия Зимина. Цель премии — привлечь внимание общества к журналистам, публицистам и блогерам, которые своими публикациями вносят вклад в политическое просвещение россиян и систематически проясняют текущую ситуацию в России и в мире. В состав жюри вошли основатель премии «ПолитПросвет» Дмитрий Зимин, главный редактор радиостанции «Эхо Москвы» Алексей Венедиктов, главный редактор «Новой газеты» Дмитрий Муратов и председатель жюри — экономист и политик Сергей Алексашенко.

Победители конкурса в этом году получают денежное вознаграждение в размере 720 тысяч рублей. Размер специальной премии составил 500 тысяч рублей. Работы всех финалистов уже опубликованы в эксклюзивном сборнике с DVD. Первые экземпляры этого издания получили в подарок финалисты и лауреаты премии. В ближайшее время книга будет бесплатно разослана по российским вузам и библиотекам.

Русская Лаура

Вечером 12 декабря в Риме Ольге Седаковой вручили первую поэтическую премию Данте Алигьери, учрежденную культурным центром Laurentum. Эта премия вручается поэтам и литераторам за вклад в искусство, «опытное как поиск предназначения», и за их произведения, которые своей культурной ценностью выделяются в поэтическом и литературном контексте.

Издания, отрецензированные в номере

«Так хочется мир обнять»: О.Ф. Берггольц. Исследования и публикации: К 100-летию со дня рождения	10
Акройд П. Исаак Ньютон. Биография	15
Амманити Н. Я заберу тебя с собой.	7
Арбузова Н. Тонкая нить: Повести и Рассказы	5
Бахтерев И. Возможно пять	10
Видмер У. Господин Адамсон.	7
Витхамар А. Энциклопедия русской иконы. История, сюжеты, школы, художественные особенности.	15
Володихин Д., Прашкевич Г. Братья Стругацкие	16
Габриэлян Г. Tango Argentino.	20
Гессе Г. Магия красок.	15
Грушина О. Жизнь Суханова в сновидениях. .	5
Давыдов Д. Марш людоедов	8
Дворниченко О. Москва. Кремль. Шостаковичу	20
Добычинский сборник—7.	10
Довлатов С. Жизнь и мнения. Избранная переписка.	10
Дюрас М. Вице-консул.	7
Иван Лубенников: В 2-х книгах. Книга 1: Работы в архитектуре. Живопись; Книга 2: Книга для чтения	24
Каплонский И. Ангелы Монмартра.	15
Кожурин К. Протопоп Аввакум	15

Коневская А. Под знаком Рониуса.	10
Кутенков Б. Жили-боли	8
Мир глазами блоггера.	15
Мудрость — праведность — святость в славянской и еврейской культурной традиции: Сб. статей.	10
О'Киф С.Х. Чудовище Франкенштейна	16
Падва Г. От сумы и от тюрьмы... Записки адвоката	6
Пушкарёва Н. Частная жизнь женщины в Древней Руси и Московии. Невеста, жена, любовница	9
Рауниг Г. Искусство и революция: Художественный активизм в долгом двадцатом веке	10
Ренберг Т. Шарлотта Исабель Хансен.	4
Степанков В. ГКЧП: 73 часа, которые изменили мир	6
Танакон А. Как рожали русские царицы. Акушерские истории династии Романовых	9
Филимон А. Чародей Петра Великого	15
Холмогорова Е. Граница дождя	5
Шедевры русской поэзии. Вторая половина XX века: Хрестоматия.	10
Юренева Т. Музеи мира: История и коллекции, шедевры и раритеты.	15

Григорьевская поэтическая

14 декабря, в Санкт-Петербурге, в галерее «Формула» loft-проекта «Этажи» состоялось объявление лауреатов второго сезона Григорьевской поэтической премии. Награда была учреждена в прошлом году с целью увековечивания памяти петербургского поэта и драматурга Геннадия Григорьева (1949–2007) и поощрения творчески близких ему стратегий и достижений в современной русской поэзии. Церемонию открыл поэтический слэм, участие в котором приняли 14 поэтов. Победителями состязания стали петербургские поэты Вера Мелихова и Ирина Дудина, получившие призы размером \$1000 и \$500 соответственно.

Лауреатов Григорьевской поэтической премии выбирало жюри тайным голосованием по принципу «консенсус минус единица». В состав жюри вошли критик Виктор Топоров, поэты Николай Голь, Алексей Ахматов и Евгений Мяскишев, писатель Сергей Носов. Обладателем третьей премии и приза \$1000 стал московский поэт Игорь Караулов. Вторая премия и \$2000 достались петербургскому поэту Валентину Бобрецову. Лауреатом первой премии стал киевский поэт Александр Кабанов. Денежная составляющая первой премии — \$5000. Третий сезон Григорьевской поэтической премии откроется в сентябре 2012 года.

Русские за рубежом

Оргкомитет литературного конкурса «Русская Премия», в котором участвуют русскоязычные писатели, живущие за рубежом, закончил прием работ и насчитал 549 заявок от авторов из 40 стран мира. Наибольшее количество произведений зарегистрировано в номинации «Малая проза» — 170 сборников рассказов и повестей. В номинациях «Крупная проза» и «Поэзия» зарегистрированы 154 романа и 166 поэтических сборников. Наибольшее количество заявок поступило из Украины, США, Казахстана, Германии и Израиля. На соискание специального приза оргкомитета и жюри конкурса «За вклад в развитие и сбережение традиций русской культуры за пределами Российской Федерации», учрежденного в 2010 году, выдвинуто 15 номинантов из семи стран мира. Во второй половине декабря к работе над предварительно отобранными и отрецензированными произведениями приступят члены жюри «Русской Премии» под председательством главного редактора журнала «Знамя» Сергея Чупринина. В состав жюри конкурса 2011 года входят: писатель и публицист Александр Архангельский (Россия), писатели Герман Садулаев (Россия), Андрей Курков (Украина) и Елена Скульская (Эстония), литературный критик и переводчик Борис Кузьминский (Россия) и поэт, главный редактор журнала «ШО» Александр Кабанов (Украина). Впервые в работе жюри принимает участие известный поэт, писатель, эссеист Сергей Гандлевский. Лонг-лист претендентов на «Русскую Премия—2011» будет опубликован в феврале следующего года. Шорт-лист — в марте, а победители будут названы на VII Церемонии награждения лауреатов конкурса, которая состоится в Москве в апреле 2012 года.

Выбор редакции



1 Незаметно мы перевалили за первое десятилетие третьего тысячелетия. Новый том проекта «Намедни» посвящен его первой половине — эпохе удвоения ВВП, «Дома-2», офисного планктона, гламура, терактов, потребительского бума. Хроника начала нулевых наименее связана с телеверсией — последних лет в ней не было вовсе.



Парфенов Л.
Намедни. Наша эра.
2001–2005.
М.: Колibri, Азбука-Аттикус, 2012.
— 224 с.

2 Впервые на русском — поучительная история Габриэля Гарсиа Маркеса о том, что бывает, когда молодые симпатичные священники берутся за спасение души предположительно одержимых бесами девушек, а окружающие подзабывают старинную испанскую поговорку: «Если огонь к пороку подносят, добра не жди».



Маркес Г.Г.
О любви и прочих бесах / Пер. с исп. М.Былинкиной.
М.: Астрель, 2012. — 221 с.

3 Новый роман отрады утонченных интеллектуалов Мишеля Уэльбека повествует, как обычно, о незавидной судьбе современного общества — и человека, в нем прозябающего. Рядом с вымышленным главным героем, непростой судьбы художником Джемом Мартином, по страницам гуляет и сам месье автор — впервые приоткрывающий для читателей свою жизнь.



Уэльбек М.
Карта и территория / Пер. с фр. М.Зониной.
М.: Corpus, 2011. — 480 с.

александр иличевский

персона

«Полезно обнулить себя, сделать перезагрузку...»

Беседовал Дмитрий Лисин



Александр Иличевский написал новый роман «Анархисты», завершающий трилогию «Матисс» — «Перс» — «Математик». Тетралогия будет называться «Солдаты Апшеронского полка». Об этом, а также о Велимире Хлебникове, Григории Перельмане, провалах во времени и предельной достоверности ужаса — рассказывает писатель в предлагаемом вашему вниманию интервью.

— В романе «Перс» самые яркие, «ощущательные» страницы связаны с детством. Вообще, именно «Перс» кажется системообразующим в трилогии. Чем «Анархисты» отличаются от этого романа?

— То, насколько важен для меня роман «Перс», стало ясно, когда я закончил «Анархистов» — последний из четырех связанных между собой романов. «Матисс», «Перс», «Математик» и «Анархист» — вот такая цепочка. Все вместе будет называться «Солдаты Апшеронского полка», то есть это протоназвание для «Перса» все же пригодились. Новый, хотя и извлеченный из протоматерии черновиков роман «Анархисты» получился классическим романом, с очень динамичным сюжетом, ужасными героями, любовной историей. Это было большим облегчением. Четыре романа написаны в высоком темпе, потому что они все являются одним произведением. Они все о людях, совершивших самосожжение, но пытающихся возродиться. Все герои, как и геолог в «Персе», бросают все на свете, вспоминают детство, каждый из них общается со своим другом, со своим альтер-эго.

— Иногда кажется, что герои «Перса» начнут серьезно обсуждать свои перевоплощения, так они сильно связались с Хлебниковым и его временем.

— Да, герои романа подсади на дневники Хлебникова и энквэдэшника Абиha, подбавившего за Хлебниковым все выпавшие из наволочки листки — в надежде рапортовать партии о победе над временем. А перевоплощению подобен театр Штерна, в котором они, герои романа, в юности принимали участие, — театр важен, потому что проблема вживания в образ — самая главная в этом возрасте. Ступеньки, костыли для подражания важны.

Хлебников был для меня в юности идеальным поэтом. У него не было конкурентов. Конечно, существовали еще Бродский и Парщиков, и, по большому счету, только они для меня обладали поэтической властью, хоть как-то сравнимой с мощью Хлебникова. У него есть неумирающая великая бескорыщность.

— Наверное, до сих пор ни Хлебников, ни обериуты не вошли в литературную жизнь изнутри, развитие прервалось вместе с ними.

— Знаете, как строится железная дорога? Огромные железные шути, грейдеры, чешут через лес и все срезают подчистую. Хлебников был грубым и мощным механизмом,

который шел через язык. Он дал огромную свободу авангардному движению, работая на грани примитивизма. Ему мог бы подражать кто угодно, если бы «железнодорожник» не был столь искусен. У Михаила Гаспарова есть работа о «Зангези», где он говорит, что там есть огромное количество имен — имен богов. Это читается как заумь и набор звуков, а Гаспаров показывает, что это — знание мифологии и огромная начитанность Хлебникова. Так и проявляется искусство: когда в звуках, поначалу абсурдных, содержится мифология ацтеков, к примеру. Смысл как понимание в ауре тайны — это всегда возможность для развития других людей и поэтов. Поэтому Хлебников всем развязал руки.

— А как же копье Хлебникова и обериутов долетело до нас?

— Долетело и вонзилось в язык. Язык сохраняет все. Есть огромный провал между Платоновым, Олешей, Бабелем — и нынешним временем. Этот провал не заполнится даже Леонидом Леоновым, да он и не писал 40 лет, обдумывая свою гигантскую «Пирамиду». Тем не менее, язык помнит все, в отличие от человека.

Для сравнения можно смотреть на американскую литературу, которая всегда имела здоровый вид. Там есть титанические фигуры, в поэзии и прозе, соединившие смысл, звучание и сюжет. Можно считать это результатом непрерывного развития, без провалов и забвений. Чего и нам на будущее желаю.

— А «Математик» — это отклик на историю с Перельманом? (Прим.: Г.Я. Перельман, российский математик, который доказал теорему Пуанкаре и отказался от присужденного ему миллиона долларов.)

— Писать роман о Перельмане невозможно, поскольку мы о нем ничего не знаем, это абсолютно герметичный человек. Книга написана в том числе и потому, что о таких людях, как Перельман, ничего не известно в принципе.

А вот «Анархисты» — это история про некоего финансиста, который всю жизнь был художником-любителем, но в 40 лет уехал строить дом в место, где много писал Левитан. Он абсолютно заморожен левитановской работой, ходит вдоль Оки, мимо старых усадеб, южнее Тарусы, пытается найти те точки, где Левитан писал пейзажи и «Дом с мезонином», стремится повторить все его картины. Вот такое перевоплощение. Тут следует учесть, что я занимаюсь не документальной, но достоверной прозой.

— Но ваши герои не помещаются в какой-то один ракурс рассмотрения, они все немножко двойственные...

— Всегда интересно пересмотреть самого себя. С одной стороны, кажется, что ты был всю жизнь одним и тем же, таким, каким был в детстве, с другой — полезно обнулить себя, хотя бы чисто гипотетически, сделать перезагрузку. Помню ужасный момент детства, когда я шел за молоком, с бидоном в руке, и вдруг мне представился я сам как шар, абсолютно твердый и не уничтожаемый. Это была некая элементарная субстанция, из которой состоял несжимаемый шар. Потом, удивительное дело, я это встретил у Хармса, который «вынимал из себя шар». Более того, Перельман, по большому счету, работал именно с геометрическими образами. Если надо изобразить суть сделанного Перельманом доказательства гипотезы Пуанкаре, то надо нарисовать сферу. Вопрос в том, чтобы нащупать в себе этот несжимаемый шар, похармсовски вынуть его из себя, рассмотреть.

— И как это связано с детством на Апшероне? В смысле, как вспомнить детские ощущения?

— Ничего не забыто, вот в чем секрет. Учителем такой незабываемости в русской литературе лично для меня является Олеша. У него, собственно говоря, в каждой строчке присутствует усилие увеличительного стекла. Он берет и из каких-то разрозненных примет выстраивает мир, и, что самое интересное, именно благодаря приметам этот мир выглядит живым. В одном месте он пишет: я мыл руки, вдруг, в поисках полотенца, ощущая теплые капли на пальцах, вспомнил, как в юности покупал, идя на свидание, букетик фиалок, как вынул их, расплатившись, из сосуда с водой, а теплые капли стекали со стебля.

— В поисках утраченного времени.

— Да, да. Приметы становятся онтологией. Есть такая замечательная история. Искусствовед и философ Карл Гинзбург обнаружил, что существует гигантская проблема подделки картин, существует человек, предьявивший миру десяток неизвестных Вермееров. И ни один из экспертов не мог отличить одно от другого. Какие объективные признаки подлинности? Гинзбург выяснил, что наиболее эффективным способом определения подлинности является отслеживание примет в стиле. Приметы стиля говорят, что манера выписывания уха, к примеру, может быть другой — на уровне мазка кистью. Полу-

чается, что примета устремлена к подлинности, она и есть подлинность, реальность, а суть и смысл легко подделываются.

Так вот, когда я вернулся на Апшерон спустя 17 лет, то вернулся я за приметам. На перекрестке, где прошло детство, торчала труба из асфальта, затертая, блестящая даже при свете луны. Как только ее увидел, все стало на свои места. Можно разрушить дом, но труба будет торчать. Я был потрясен, это было мрачайшее ощущение, когда увидел то же самое дерево, по которому лазил, ту самую персидскую сирень — «лисий хвост»... Но при этом нет людей. В этом мире прошлого абсолютно прозрачно все, как будто залито толстым слоем стекла. Похоже на эффект нейтронной бомбы, когда приметы есть, а людей нет.

— Как при встрече одноклассников. Походка и жесты те же, но где тот школьник?

— Взрослая жизнь залита стеклом. У Борхеса замечательный образ, память Фуэнса — проклятие человека, помнящего все. Он мог погрузиться в разглядывание листочка и разматывать весь клубок памяти. Дело в том, что перцептивные возможности очень ограничены. Возможны провалы во времени. Когда мы переводим взгляд, отторгаются неустойчивые ощущения «бокового» зрения, а вместе этого отторгнутого ощущения помещается «заставка», рамка восприятия, сгенерированная автоматически. Отсюда у нас диссонанс — множественность ощущений и восприятий при невозможности их вспомнить.

— Главное всегда пропущено?

— В романе главное — сохранить ощущение, ведь взрослая жизнь пуста, я не могу вспомнить последние десять лет, все поездки в Крым, это слилось в одно событие. Роман «Ай-Петри» — это поездка в Крым на исходе юности, когда это еще существовало в памяти как отдельная вещь.

— Какая самая для вас страшная книжка, связанная с российской историей?

— «Жизнь и судьба» Гроссмана, когда мне стало понятно, что происходило. Самый страшный, конечно, Шаламов. Я читал и «Один день Ивана Денисовича», это вещь серьезная, но Шаламов — это что-то невероятное, это был совершенно сверхъестественной силы писатель. Олеша мерился с Катаевым, у кого черт сильнее, так вот у Шаламова этот черт, дар писательства, вдохновенность, больше, чем у всех остальных вместе взятых, писавших и пишущих о ГУЛАГе.

4 Вот и Борис Акунин выпустил блокнот. Однако это не традиционные для ЖЖанра «взгляд и нечто», а сборник годами накапливавшихся в портфеле историка миниатюр — сам автор называет их «дней старинных анекдоты в авторской интерпретации и непременно с пояснением, почему они кажутся мне интересными/важными/актуальными».



Акунин Б.
Любовь к истории.
М.: ОЛМА Медиа Групп, 2012. — 304 с.

5 Приключения одного из самых знаменитых котов на планете продолжают. На сей раз в доме у кота Саймона случился настоящий природный катаклизм — там завелось нечто чудовищное, и имя ему — КОТЕНОК. Получится ли из кота Саймона папа? Если да, то какой? И устоит ли вообще дом?! Ответы — в новой книге Саймона Тофилда.



Тофилд С.
Кот Саймона. Книга 3: Испытание котенком.
М.: Гятри, 2011. — 240 с.

6 О феномене Иосифа Бродского рассказывает Бенгт Янгфельдт — известный шведский писатель, ученый, автор многочисленных трудов по русской культуре, издатель и основной переводчик произведений Бродского на шведский язык.



Янгфельдт Б.
Язык есть бог. Заметки об Иосифе Бродском / Пер. со швед. А.Нестерова.
М.: Астрель, Corpus, 2012. — 368 с.

7 Давным-давно в далекой галактике... пардон, в Кембридже Стивен с пользой проводил свою юность и медленно превращался в того самого актера, писателя и просто человека-феерию, которого мы ныне знаем и любим. Подробности — в продолжении «Моава — умывальной чаши мойей», второй части увлекательной автобиографии Стивена Фрая.



Фрай С.
Хроники Фрая / Пер. с англ. С.Ильина.
М.: Фатом Пресс, 2011. — 544 с.